

П.А. Лапин

МИД

Малоизвестные факты о работе Пекинской школы латинского языка (1729–1744)

Во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. продолжают развиваться контакты Китая с европейской цивилизацией. Основными посредниками при этом, как известно, были католические миссионеры (главным образом, иезуиты), чьи миссии в Китае появились ещё в конце XVI в. Цинские власти не только считали их носителями европейских технических знаний и художественных навыков, но и охотно привлекали их как консультантов и переводчиков при общении с иностранными посольствами.

Из иезуитов, служивших в Китае во второй половине XVII в. и частично связанных с Россией, наиболее заметными фигурами были фламандский миссионер Фердинад Вербист (1623–1688)¹, португалец Томас Перейра (1645–1708) и француз Жан Франсис Жербийон (1654–1707)². Однако период, когда служители Ордена иезуитов пользовались значительным влиянием при цинском дворе, был относительно коротким, – после того, как решения папского престола о недопустимости адаптации обрядов и форм изложения догматики католической церкви к китайским условиям достигли Поднебесной, император Канси (1662–1722) стал относиться к миссионерам с подозрением, а сменивший его Юнчжэн (1723–1735) не доверял им ещё больше, наложив запрет на их миссионерскую деятельность [2, с. 16–21].

Возросшее недоверие к миссионерам, по всей видимости, стало причиной открытия в Пекине Школы латинского языка³ (*Сиян-гуань*, букв. «Западная школа»), подготовка переводчиков в которой должна была дать цинским дипломатам возможность общаться с европейцами напрямую, не прибегая к помощи иезуитов⁴. Не исключено, что открытие школы столичные власти связывали и с укреплявшимися контактами с российским двором. Так, в частности, считал будущий директор школы, французский миссионер Доменик Парнен, который в своём письме от 1732 г. сообщал: «Император учредил школу латинского языка. Легко заметить, что целью её открытия является подготовка переводчиков, способных когда угодно и где угодно переводить пришедшие из России письма и одновременно переводить на латынь ответы на них маньчжурского двора» [14, с. 219–220]⁵. Этот тезис подтверждается

также тем, что российский ученик Лука Воейков, находившийся в Пекине в 1727–1734 гг., состоял при «ханском толмаче» Якове Савине не только для «письма русского», но и «латинского» [3, с. 40].

По данным, сохранившимся в фондах Первого исторического архива КНР⁶, Школа латинского языка в Пекине была открыта в 7 месяце 10 года правления императора Юнчжэна (конец августа 1729 г.) [10, л. 0072]. Вместе с тем известно, что настоящими инициаторами её открытия были сыновья императора Канси – Иньсян (тринадцатый сын Канси, 1686–1730) и Иньлу (шестнадцатый сын Канси, 1695–1767), уговорившие нового императора Юнчжэна, сменившего их отца, открыть школу⁷. Указом императора директором школы был назначен о. Доминик Парнен⁸, а его заместителем – о. Антуан Гобий [16, с. 961]⁹.

Так, в 1729 г. в школу были зачислены двадцать учеников из числа детей чиновников Дворцового управления. Правда, вскоре семерых учеников из-за неуспеваемости отчислили, а остальным тринадцати предложили продолжить обучение [10, л. 0071]. Ученикам были определены «кормовые деньги» в соответствии с размерами жалования учеников трёх училищ дворца *Сяньань-гун*, подчинявшихся Палате внешних сношений – *Лифаньюаню* [10, л. 0072]. В школе преподавался только латинский язык.

Срок обучения был установлен в пять лет, но по неизвестным причинам первый выпуск состоялся только через семь лет [10, л. 0071]. В 1736 г. школу закончили все те же тринадцать учеников, которые после выпуска были рекомендованы для замещения младших вакантных должностей писарей в Дворцовом управлении и других ведомствах, причём шестерых из них во главе с неким выпускником по имени Вань Бао директор Д. Парнен предлагал оставить в школе в качестве помощников учителя [10, л. 0072]. После первого выпуска количество принимаемых в школу учеников было сокращено до 10 человек. Сколько учеников окончило школу во время второго выпуска в 1741 г., сказать сложно. Однако с учётом того, что в докладе императору Цяньлуну от 22 дня 8 месяца 8 года правления (1744) указывалось, что «со времени открытия школы (1729 г. – *П.Л.*) обучающихся латинскому языку (*сиян*), способных писать и по истечении полного срока [обучения] (по нормативному уставу – пять лет. – *П.Л.*) распределённых на должности секретарей-писарей (*битешуи*) оказалось 20 человек», можно предположить, что в 1741 г. школу закончили семь учеников, а трое, видимо, были отчислены [11, л. 0240]. Как следует из документа во время третьего, последнего, набора в школу вновь были приняты десять учеников [11, л. 0240].

Насколько успешно складывалось преподавание в школе латинского языка, сказать сложно. Миссионер А. Гобий¹⁰, назначенный на пост директора школы в 1741 г. после смерти Д. Парнена, в целом положительно оценивал результаты её работы [8, с. 450], указывая, что выпускники были способны читать, писать и, главное, переводить с латинского языка [10, л. 0072]. Слова директора подтверждались и свидетельствами некоторых россиян, находившихся тогда в Пекине¹¹. Такая оценка, правда, не совпадает с мнением французского сиолога Абель-Ремюзы, который указывал, что вся переписка между маньчжурами и европейскими послами, включая российское

правление, по-прежнему осуществлялась через иезуитов. «После кончины Д. Парнена (1741 г. – *П.Л.*), – писал учёный, – на должность директора школы был назначен его заместитель – А. Гобий. Он переводил послания, приходившие из Сената в Санкт-Петербурге, на маньчжурский язык, а письма, посылавшиеся маньчжурским двором и написанные на китайском и маньчжурском языках, – на латынь» [9, с. 60]. Таким образом, если считать, что слова Абель-Ремюзы относятся к началу 1740-х гг., то получается, что и более чем через десять лет после создания школы перевод осуществляли не её выпускники и ученики, а сам директор.

Школа латинского языка просуществовала недолго. В начале 1744 г. князь первой степени Чжуан доложил императору Цяньлуну, что «школа *Сиян-гуань* пришла в упадок, а деньги и продовольствие, [отпускаемые на её содержание], расходуются зря» [11, л. 0240]. Доклад чиновника послужил основанием для организации ревизии в школе, по результатам которой она была закрыта, а десять учеников, набранные туда тремя годами ранее, отчислены и отправлены к прежним местам несения службы [11, л. 0240].

После закрытия учебного заведения маньчжурские власти пошли по привычному пути – была восстановлена практика приглашения в переводчики иностранцев, включая священнослужителей и учеников Российской духовной миссии. «К переводу латинских копий оригиналов русских посланий, конечно же, привлекали иезуитов, – указывал британский историк Э. Видмер. – Когда же к концу XVIII в. надёжных переводчиков латинского языка было уже не сыскать, вместо них для перевода посланий из России в *Ли-фань-юань* начали вызывать российских учеников» [18, с. 110].

Причиной или, по крайней мере, одной из причин расформирования латинской школы стала явно невысокая эффективность её работы. В современной китайской историографии нет упоминаний ни об одном выпускнике этого учебного заведения, который позднее приобрёл бы известность как переводчик латинского языка. «Школа за пятнадцать лет своего существования так и не подготовила ни одного квалифицированного переводчика», – с иронией говорил французский иезуит Ж. Амио (Jean Joseph Marie Amiot, приехал в Китай в 1750 г., умер в Пекине в 1793 г.) [5, с. 23]. Единственным её наследием, по всей видимости, стал латино-маньчжурский словарь-разговорник *Хуа-и и-юй. Ладино-юй*, подготовленный Д. Парненом. Учебник был включён в общий корпус учебных пособий цинской школы *Сыи-гуань* («Школа [по подготовке] переводчиков [языков] четырёх стран света») *Хуа-и и-юй* («Китайско-варварские переводы»). Состоял он из пяти цюаней, каждый из которых насчитывал по 100 страниц; в разговорник в общей сложности было внесено порядка 2 тыс. слов и выражений на латинском языке [15, с. 21–22; 8, с. 450].

Не исключено, что отрицательные результаты распространения в Пекине, и в Китае в целом, латинского языка были также связаны с жёсткой запретительной политикой цинских властей в отношении миссионерской деятельности иезуитов. Создавая школу, пекинские администраторы вместе с тем пресекали любые попытки подданных империи самостоятельно изучать этот язык при помощи служителей Ордена. И это было объяснимо: изучая латынь,

местные жители не только и не столько приобщались к иностранному языку, сколько проникались духовными идеями запретного учения. Однако, несмотря на существующие ограничения, последователи Ордена¹² продолжали изучать этот язык, скрываясь от преследований со стороны официальных властей. «После периода правления Канси, – справедливо отмечает китайский историк Фан Хао, – частное преподавание и изучение латинского языка распространилось на все провинции, достигнув своего апогея в периоды правления императоров Юнчжэна, Цяньлуна, Цзяцина и Даогуана» [15, с. 18].

Примечания

¹ Вербист сделал блистательную карьеру при дворе Канси, служа главой *Тайши-цзюй* (Историко-астрономическое управление) и помощником главы Ведомства общественных работ. Он также часто привлекался для работы с иностранными посольствами, прибывавшими в Пекин. В частности, в 1675 г., во время пребывания в Пекине посольства Н.Г. Спафария, переговоры между цинскими властями и послом России вошли в нормальное русло лишь после того, как к их участию присоединился Вербист. После многочисленных неудач «сановники *Ли-бу*» (Ведомство обрядов. – *П.Л.*) вернулись к Спафарию с Фердинандом Вербистом и руководителем *Ли-бу*. Вербист был облачён в маньчжурское платье и говорил по-латыни... С тех пор весь перевод осуществлялся Вербистом» [1, с. 155]. В качестве переводчика Вербист также участвовал в переговорах с представителями российского двора Н. Венюковым и И. Фаворовым, прибывшими в Китай в 1686 г. [8, с. 68].

² В 1689 г. Перейра и Жербийон в составе маньчжурской делегации в качестве переводчиков и дипломатических советников были направлены на границу для участия в подписании Нерчинского договора – первого международного договора, подписанного между Китайской империей и европейским государством.

³ По данным китайского исследователя Фан Хао, в китайских источниках и историографии насчитывается порядка 40 различных переводов на китайский язык названия «латинский язык», включая самые необычные, как *хунмао-цзы* (букв. «слова краснобородых» – краснобородыми в Китае, в частности, называли голландцев), *шицзы-вэнь* (букв. «язык [христианского] креста»), *есу-вэнь* (букв. «язык Христа»), *лома-вэнь* (букв. «римский язык») и др. [15, с. 35].

⁴ Известно, например, что при всём том доверии, которым Вербист пользовался у Канси, все беседы российского посла Спафария и Вербиста проходили под присмотром фаворита императора, которому было вменено в обязанность удостовериться, что стороны понимают друг друга [1, с. 155–156]. Об определённом недоверии к себе также говорил французский иезуит Жан Жербийон, один из участников Нерчинской конференции: «Нам известно, что предложение о территориальной уступке русским было выдвинуто нашим послом через монгольского переводчика. По-видимому, они (члены маньчжурской делегации. – *П.Л.*) не доверяют нам, и это, скорее всего, из-за того, что российский полномочный посол выразил нам полное доверие» [12, с. 105]. Вместе с тем стоит сказать, что иезуиты, по крайней мере в письменной форме, не соглашались идти на явный подлог при подготовке текста Нерчинского договора, к которому их склоняли россияне, когда просили вписать в латинскую редакцию договора формулировку, уже отклонённую маньчжурской стороной, объясняя это тем, что никто из членов пекинской делегации не понимает латынь [17, с. 22].

⁵ Схожего мнения придерживались и придерживаются также европейские и китайские исследователи. Так, например, французский синолог Ж.-П. Абель-Ремюза писал: «В Пекине была учреждена школа *Сиян-гуань*, в которую набирались молодые маньчжуры для изучения латыни. Выпускники школы должны были использоваться для ведения переписки с Россией. По мере укрепления контактов между Китаем и Россией школа *Сиян-гуань* начала приобретать большую значимость» [9, с. 60]. Такую же оценку давал и китайский исследователь Фан Хао: «После установления отношений между Китаем и Россией, – писал учёный, – император Канси изыскивал возможность учредить школу, где преподавалась бы латынь и выпускники которой могли бы быть задействованы при ведении переписки. Планы Канси реализовал император Юнчжэн, в правление которого была открыта школа латинского языка» [16, с. 960].

⁶ Имеется в виду два доклада, поданных князем первой степени Чжуаном императору Цяньлуну в 12 день 4 месяца 1 года правления (1736) и в 22 день 12 месяца 8 года правления (1744), в которых были сформулированы основные правила работы школы, принципы набора учеников и последующего их распределения на должности, прописаны вопросы финансирования [10, л. 0071–0072; 11, л. 0240].

⁷ Из письма заместителя директора школы А. Гобия от 24 октября 1729 г. [14, с. 219].

⁸ Доминик Парнен (Dominique Parrenin) (1665–1741), французский миссионер, член Ордена иезуитов. Приехал в Китай в марте 1699 г. по инициативе другого французского миссионера Ж. Буве (Joachim Bouvet), который ходатайствовал за него перед императором Канси. Достаточно быстро овладев маньчжурским и китайским языками, миссионер начал активно заниматься переводами научной литературы и дипломатической переписки, привлекался в качестве переводчика для переговоров с россиянами, прибывавшими в Пекин. Особо преуспел в исследованиях в области китайской традиционной медицины и фармакологии. Основным трудом стало пособие «Анатомия человека», состоящее из восьми томов и подготовленное на основе переводов медицинских трудов известных французских авторов, а также с учётом личных исследований миссионера. Над «Анатомией» Парнен трудился порядка пяти лет, его труд был представлен императору Канси, но, правда, издан не был. Особую ценность представляют научные записки миссионера, посвящённые различным областям китайской науки, которые он с 1723 г. начал направлять в Европу, и прежде всего в Парижскую академию наук (основана в 1666 г.). Находясь в Пекине, Парнен активно сотрудничал с Российской академией наук: 23 мая 1737 г. академия получила развёрнутую записку миссионера, в которой давались ответы на поставленные ею ранее вопросы о способах производства некоторых китайских лекарственных препаратов, включая женьшень, и методах лечения ряда заболеваний [13, с. 10–13; 6, с. 118–125; 4, с. 110, 113, 114].

⁹ Надо сказать, что это была далеко не первая попытка организовать в Пекине системное изучение латинского языка. Ещё в 1305 г. находившийся в китайской столице миссионер-иезуит Корвино (Joannes de Monte Corvino) в письме другому иезуиту Газарию (Gazaría) писал о принятии к себе для обучения латинскому и греческому языкам 158 мальчиков в возрасте от 7 до 11 лет [15, с. 9]. Если эти слова соответствуют действительности, то иезуит, видимо, действовавший с ведома местных властей, организовал самую большую в столице группу по изучению иностранных языков. В минские времена преподавание латинского языка в Китае продолжилось: во многих городах иезуитами организовывались приходы, где прихожанам преподавался этот язык [15, с. 9]. А для их знакомства с основами христианского учения, для чего, собственно, эти

приходы и создавались, с согласия императора Ваньли в 1614 г. с латыни на китайский язык итальянским миссионером Джулио Алени (Giulio Aleni, 1582–1649) была переведена Библия, причём переводчик преднамеренно редактировал текст, местами его существенно изменяя, с тем, чтобы он полностью соответствовал китайским религиозно-этическим и нравственным нормам [15, с. 9; 4, с. 113].

¹⁰ Антуан Гобий (Antoine Gaubil, 1689–1759), французский миссионер, член Ордена иезуитов. Прибыл в Китай в 1722 г., весьма быстро овладев китайским и маньчжурским языками, миссионер в качестве переводчика участвовал в переговорах с российскими посольствами в Пекине. Так же как и Д. Парнен, Гобий активно сотрудничал с иностранными академиями наук. С 1732 г. работал в интересах Российской академии наук, направляя туда «различные книги по географии, астрономии, секретные материалы о технике Китая начиная с древности», за что в 1739 г. был удостоен звания почётного академика Российской академии наук [7, с. 12–15].

¹¹ По рассказам некоего Семёна Петрова, в 1732 г. находившегося в Пекине, ученики латинской школы посещали Русское подворье, где беседовали на латинском языке с иезуитами Девидом Крафом, прибывшим в Пекин из Курляндии, и отцом Антонием, а также с бывшим учеником московской Славяно-греко-латинской академии Лукой Воейковым, приехавшим в Пекин в 1727 г. вместе с Л. Лангом [14, с. 220].

¹² По неполным данным, в XVIII в. по всей стране служителями Ордена иезуитов было выстроено порядка 300 приходов, где велось преподавание латыни [15, с. 18], а в 1788 г. в Пекине насчитывалось 15 человек из числа местных жителей, изучавших этот язык [15, с. 12].

Литература

1. *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. М., 2001.
2. *Ломанов А.В.* Христианство в Китае: история культурной адаптации (начало XIX – середина XX вв.). М., 1999.
3. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
4. *Ван Иньцюань.* Мин Цин чжицизи есу хуэйши фаньйи ходун, фаньйи гуань юй фаньйи чжэнцэ чуи (Мои скромные представления о переводческой деятельности, взглядах на перевод и переводческой политике членов Ордена иезуитов во время династий Мин и Цин) // Наньцин нунье дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань). 2010, № 3.
5. *Го Фусян.* Бадомин юй цин гун сиян сюэгуань ([Доминик] Парнен и «Западная школа» при цинском дворце) // Цзыцзиньчэн. 1997, № 4.
6. *Гэлүфэй.* Бадомин шэньфу дэ бэйцзин кэсюэ шуцзянь (Пекинские научные письма святого отца Парнена // Бэйцзин тушугуань гуанькань. 1994, № 1–2 (перевод с английского языка: Гэн Шэн).
7. *Даймивэй.* «Суньцзюньжун бэйцзин шуцзянь цзи» цянъянь (Вступление к «Сборнику пекинских писем [Антуана] Гобия») // Чжунго ши яньцзю дунтай. 1981, № 7 (перевод с французского языка: Му Гэньлай).
8. *Ли Наньцю.* Чжунго коуи ши (История устного перевода в Китае). Циндао, 2002.
9. *Ма Цзуи.* Чжунго фаньйи ши (История переводческого дела в Китае). Т. I. Ухань, 1999.
10. Первый исторический архив КНР. Фонд Нэйуфу, цзоусяодан, цюань цзунхао 5 (Архив докладов Дворцового управления, шифр фонда № 5). Т. 193, микрофильм 63.
11. Первый исторический архив КНР. Фонд Нэйуфу, цзоусяодан, цюань цзунхао 5 (Архив докладов Дворцового управления, шифр фонда № 5). Т. 210, микрофильм 69.

12. *Sebes J.* The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689). The Diary of Thomas Pereira. Пекин, 1973 (на китайском языке, перевод с английского: Ван Лижэнь).
13. *Се Гочжэнь.* Есу хуэйши Лимадоу, Бадомин дэн цзай чжунго (Члены Ордена Иезуитов [Матео] Ригчи, [Доменик] Парнен и другие в Китае) // Цзыцзиньчэн. 1981, № 2.
14. *Сыдали (Sary).* Гуаньюй маньцзу лиши хэ юйянь дэ жогань взньти (Некоторые вопросы об истории маньчжуров и их языке) // Маньсюэ яньцзю. 1994, № 2.
15. *Фан Хао.* Ладинвэнь чуаньжу чжунго као (Разыскания о проникновении латинского языка в Китай). Т. I. Тайбэй, 1969.
16. *Фан Хао.* Чжунси цзятун ши (История контактов Китая с Западом). Т. II. Чанша, 1978.
17. Чжунго цзиньдай дуйвай гуаньси ши цзыляо сюаньцзи, 1840–1949 (Сборник материалов по истории международных отношений в Китае в новое время, 1840–1949). Цз. 1, цз 1. Пекин, 1977.
18. *Widmer E.* The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. London, 1976.